

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е.Н. Шапинская

Любовь как отношение власти: политика репрезентации в социальных дискурсах¹

УДК 008-027.21

В статье рассмотрена любовь как отношение власти и ее репрезентация в различных социокультурных контекстах и дискурсивных формациях. Выделены основные типы господства/подчинения применительно к отношениям любви, показано, как смысл этого отношения меняется в зависимости от контекста. Выделены основные черты постмодернистской культуры, важные для понимания современной интерпретации отношений власти/подчинения в любви. Позиция автора проиллюстрирована анализом образ Дон Жуана и Кармен и их репрезентациями в различных дискурсах.

Ключевые слова: love, power, gender, discourse, masculine / feminine

E.N. Shapinskaja

Love as a power relation

The article examines love as a power relation and its representation in different social and cultural contexts and discursive formations. The main types of dominance/subjugation with reference to love relations have been singled out. The change of the meaning of these relations depending on the context has been shown. The main features of the postmodern culture, important for contemporary interpretation of power/subjugation in love, have been examined. The author's position has been illustrated by the analysis of the characters of Don Juan and Carmen and their representations in different discourses.

Key words: love, power, gender, discourse, masculine / feminine

---

¹ Подготовлено при поддержке гранта РГНФ. Грант № 12-03-00095.

Любовь и власть: формы господства и подчинения в различных культурных контекстах

Одним из важных аспектов любви является ее взаимоотношение с властью, которая всегда в той или иной форме присутствует в любовных отношениях. «Обычным местом в разговоре людей, умудренных жизненным опытом, является определение любви как желания получить власть над определенным индивидом» (9:41). Среди многочисленных форм и проявлений власти в любви наиболее известным в истории и важным в социокультурной жизни является гендерно обусловленная власть, основанная на столь базовой оппозиции человеческой культуры, как мужское/женское (или, в гендерной терминологии, маскулинное/фемининное).

Отношение господства/подчинения в любви носит различный характер. Согласно М. Веберу, существует три типа господства, которым соответствуют различные субъектно-объектные отношения в любви. Первый из них – «легальный» – основан на соображениях закона и целерациональном действии. Этот принцип воплощается в признании отношения любви легитимным или запрещенным в зависимости от социокультурных установок эпохи. Второй тип господства – традиционный, основанный на вере не только в законность, но даже в сакральность издревле существующих порядков и властей. Этот «патриархальный» тип господства по своей структуре сходен со структурой семьи, что делает его более устойчивым и прочным, чем другие виды господства. Третьим типом, выделяемым Вебером, является «харизматическое господство», которое представляет собой полную противоположность «традиционному». Он основан на аффективном типе социального действия. Вебер подчеркивает авторитарный характер харизматического господства, так как авторитет харизматика базируется на его силе – только не на грубой физической, а на силе дара, не имеющего рационального объяснения, делающего харизматика доминирующим субъектом. Представители феминизма утверждают тесную связь между мужским началом и властью, которая коренится в природе, разделившей человечество по половому признаку. «Власть мужчины – это первое метафизическое утверждение самости... Эта самость не просто переживается субъективно. Она защищается и традицией, и законодательством, она провозглашается в искус-

стве и литературе, она задокументирована историей, она поддерживается при распределении материальных благ» (4:201). Проявления власти мужчины в отношении женщины могут быть разными – физической силой, которая на протяжении веков была мужской привилегией, способностью терроризировать, вызывать страх, воинственностью, утверждением креативности как мужского начала, легитимацией экономического господства (4:203–208).

Все типы власти присутствуют в любовных отношениях, причем в различные эпохи та или иная власть может выходить на первый план в зависимости от культурных установок. Наиболее универсальным в любовных отношениях видом власти является не власть-принуждение, а харизматическая власть, создающая для объекта любви ощущение добровольности ее плена, что только усиливает власть субъекта (мужчины или женщины, которые могут меняться местами в оппозиции, не отменяя присущего бинаризму неравенства). Хотя женщина не один раз в истории и культуре показывала свое превосходство и становилась «лидером» или инициатором в любовных отношениях, сторонники феминизма утверждают, что любовь не только идет вразрез с интересами женщин – «в любви нет ничего, кроме отношения, основанного на доминации мужчины, которая обманно наряжается в одежды, сулящие блага женщине. Без этих одежд не останется ничего из того, что мы называем любовью» (9:52).

В дискурсе любви в европейской культуре стремление к взаимности приобретает форму стремления к обладанию или господству, контролю над желаниями Другого, причем инструментом в достижении этой цели становится не внушение или страх, а верность и преданность, приобретающая манипулятивный характер. Хотя сексуальное обладание представляет собой лишь один из аспектов применения власти, усиленное сексуальностью любовное чувство создает у женщины ощущение власти над мужчиной, то есть реверсирование оппозиции. В момент сексуального экстаза господин и подчиненный как бы меняются местами, и женщина чувствует себя хозяйкой положения, властелином ситуации. «Женская чувственность, даже будучи воспринимаема как монструозная, понимается как определяющее качество женщины. Будучи редуцирована до своей наиболее простой и абсурдной компоненты своими защитниками, наиболее склонными к сексуальному опрощению, она превращается в утверждение о том, что женщина имеет сексуальную власть...» (4:211). Краткий момент

ощущения себя хозяйкой ситуации рассеивается, как только жизнь вступает в обычную колею, где женщине отведено место покорного объекта, а сам момент господства, согласно феминистской идее об отношениях мужчины и женщины, был лишь инстанцией манипуляции, еще одним видом использования женщины под видом подчинения ей во время сексуального акта.

У истоков понимания любви как отношения власти в европейской мысли стоит Ф. Ницше. В его отношении к любви четко прослеживается поляризация мужского и женского начала, постоянная «война полов» в любовных отношениях. «Любовь в своих средствах война, в своей основе – смертельная ненависть полов» (6:727). Для Ницше любовь – это, прежде всего, выражение стремления к господству, всеобщего желания власти, обладания. Это отношение применимо ко всем объектам любви, вплоть до природы. «Наша любовь к ближним – разве она не стремление к новой собственности, и равным образом наша любовь к знанию, к истине? Но яснее всего выдает себя как стремление к собственности любовь полов: любящий хочет безусловного и единичного обладания вожделенной особою, он хочет столь же безудержной власти над ее душой, как и над ее телом, он хочет один быть любимым и жить и властвовать в чужой душе как нечто высшее и достойное желания» (7:526).

В рассмотрении любви как отношения власти, основанного на господстве маскулинного субъекта, ницшеанская традиция изначально предполагает подчиненное положение женщины, ее поражение в «войне полов», что определено самой историей цивилизации. Эта роль стала настолько привычной для женщины, что даже доставляет ей наслаждение и (временами) ощущения своего господства, пусть и временного. «Не способная соревноваться с мужчиной за доминацию, женщина достигает власти, желая своего подчинения» (9:45). Такая ситуация неизбежно создает напряжение, выражающееся в «войне полов», недаром к любовным отношениям так часто применяют метафоры, связанные с войной (покорить сердце возлюбленной/возлюбленного, одержать победу, «властелин» сердца и т.д.). Таким образом, власть и подчинение проявляются в любви в двух формах. «С одной стороны, мы видим концепцию любви как желание обладать другим, которое выходит за пределы сексуального вождения... Этому образу эмоциональной тирании противостоит концепция любви как почитания и послушания. Она является точным ответом на ти-

раническое господство» (9:46). Дилемма любовных отношений в повседневной жизни находит множество компромиссов, а в области репрезентации, в пространстве дискурса выявляются все сложности столь противоречивого отношения.

Любовь как властное отношение в пространстве дискурса

Различные виды властных отношений в любви представлены в дискурсах различных эпох. Получив обоснование в философском дискурсе (Ницше), понимание любви как властного отношения распространяется по всем дискурсивным пространствам социодискурса (литература, сценические и экранные искусства, музыка). Что же представляет собой дискурсивное пространство культуры, в котором соседствуют самые разные тексты и знаковые системы, основанные на разных способах репрезентации? Для того чтобы понять значение любви в дискурсивном универсуме культуры, обратимся к некоторым теориям XX в., когда дискурс стал в центр внимания исследователей как пространство порождения смыслов. «Дискурс является наиболее адекватным источником наших знаний о современном мире, который сам представляет дискурсивную конструкцию» (8:127). Дискурс является способом познания мира, но в то же время он часть этого мира.

Для определения дискурсивного пространства, которое может дать наиболее адекватное представление о семантическом наполнении понятий «любовь» и «власть», мы обратимся к термину «универсум дискурса», предложенными известными исследователями в области семиотики Ч. Огденом и И. Ричардсом, которые определяют его как «ряд случаев, в которых мы осуществляем коммуникацию при помощи символов... Если термин берется вне универсума, для которого он был определен, он становится метафорой и может нуждаться в новом определении» (13:109–11). Если мы попытаемся представить любовь как властное отношение в форме дискурсивного универсума, то увидим, что он представляет собой сложный многоуровневый конструкт, множество текстов, в которых присутствует то, что говорится и пишется о любви и власти. Особенности дискурса зависят и от культурной формы, в которой он представлен, – существуют отличия научного, литературного, экранного, медийного или драматического дискурсов, тем не менее, все они являются зоной означивания. Каждый из них обладает своими способами репрезентации, нарративны-

ми, риторическими и выразительными приемами, тем не менее, все эти дискурсивные формации являются частью более широкого пространства социального дискурса, в котором через различные дискурсивные практики и формируется отношение общества к тому или иному феномену, в данном случае, к любви как к отношению власти.

Динамика отношения «господство/подчинение»: по направлению к посткультуре

Идеи любви как отношения господства/подчинения пронизывали все дискурсивное пространство западной цивилизации вплоть до конца XX в., когда наступление феминизма и постмодернизма с его акцентом на деконструкцию оппозиций изменили порядок дискурса, хотя и не окончательно. В разные историко-культурные эпохи соотношение элементов этой оппозиции менялось вплоть до реверсирования. Выделение определенных исторических периодов является, несомненно, весьма условным – «не существует четкой линии, разделяющей исторические эпохи ни в тотальности реальной жизни, ни в ее семантической обработке», – пишет Н. Луман в своем исследовании изменения семантики любовных отношений в различное время (11:42). Тем не менее даже условно выделенные исторические периоды дают нам возможность понять как смену отношения в обществе к культурным явлениям и текстам, так и разницу в способе репрезентации. Каждое произведение несет на себе груз предыдущих смыслов, приобретая в то же время те, которые соответствуют бытию произведения «здесь-и-сейчас», становясь, по определению Ю. Кристевой, интертекстом. В этих условиях оппозиция господства/подчинения как основа отношений любви проходит ряд трансформаций, обусловленных различием дискурсивных формаций, сохраняя при этом свой бинаризм.

В связи с утверждением бинаризма властных отношений в любви возникает вопрос о судьбе бинарных оппозиций в культуре постмодернизма, который постулирует их деконструкцию и рассеивание по ризомообразному пространству посткультуры². «Пост-

---

² Данный термин уже вошел в исследовательский дискурс. См. определение В. Бычкова (КорневиЩе оБ. Книга неклассической эстетики. М., 1999), а также работу автора данной статьи: Шапинская Е.Н. Культурологический дискурс после постмодернизма // Обсерватория культуры. 2010. № 6.

постмодернистская» культура, казалось бы, сняла жесткость традиционных бинаризов, заменив их ризомообразным пространством существования гетерогенных феноменов. Исследователи отмечают, что постмодернизм принес не только тотальную плюрализацию культуры, но и новое ощущение как внешнего мира, так и сферы человеческих чувств и переживаний. «В важном сегменте нашей культуры произошел значительный сдвиг в чувствах, практиках и дискурсивных формациях, который отличает постмодернистский набор предположений, ощущений и допущений от предыдущего периода (10:355).

Как бы ни относились мы к посткультуре и к постмодернистским влияниям на культуру в целом, можно сказать, что наше время, начало XXI в., является эпохой переходной, в которой соседствуют самые разные явления, тексты, дискурсы. Такое состояние культуры неизбежно ведет к многообразию интерпретаций, к переосмыслению традиционных понятий, к соседству разных представлений, выработанных в иные времена. Контекст сегодняшних дней настолько неоднозначен, что отдельные его фрагменты нуждаются в исторических подтверждениях, ищут опору в прошлом, создавая ту почву, которой они лишены в безграничном интертексте постмодернистской культуры. Поиски ответов на вызовы времени в прошлом приводят в посткультуре не столько к переосмыслению «вечных проблем», сколько к постмодернистской игре с историей, которая сама предстает в виде мало связанных фрагментов, вводимых в культурные практики по причуде «производителя» текста (художника, режиссера, писателя – любого «культурного производителя»), или служат основой для нарратива, уже не претендующего ни на какое новаторство. Многочисленные версии извлеченных из кладовых памяти текстов, сюжетов и образов не претендуют на глубину мысли, скользя по «тысяче поверхностей» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари) посткультуры. «Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию, – сокрушается Ж. Бодрийяр по поводу состояния культуры в наши дни. – ...Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» (1:8).

Любовь и власть в пространстве репрезентации

Говоря о «представленности» любви как властного отношения в различных дискурсивных формациях, нельзя обойти вопрос репрезентации, связи дискурсивного конструкта с неким референтом, реальным или воображаемым, с отправным пунктом, первичным означаемым, с которого начинается цепочка интерпретаций. Вопрос о существовании любви как властного отношения в реальной жизни и в дискурсивном пространстве особо сложен в случае, когда у образа, существующего в тексте, нет «реального», документированного прототипа, или же образ стал «размытым» в результате многочисленных интерпретаций. Еще сложнее дело обстоит с репрезентацией человеческих отношений и различных аспектов человеческого бытия. Дискурс любви говорит не столько о «реальном» феномене любви как властного отношения, сколько о тех представлениях о ней, которые существовали в ту или иную эпоху. В то же время за всем разнообразием контекстов, продуцирующих дискурсивные практики, стоят определенные универсальные структуры, лежащие в основе «вечных», или «бродячих», сюжетов и образов. Как правило, все «прототексты» – это мифы, сакральные тексты, архетипические образы, что указывает на их антропологически универсальную природу. Возникая вновь и вновь в различных контекстах, они оказываются в поле политики репрезентации, отражающей доминирующие установки и ценности данной эпохи и общества.

Дон Жуан и Кармен: реверсия гендерных ролей в отношении любви/власти

Любовь как властное отношение представлена в самых разных видах дискурса, к некоторым из которых, в частности философскому, мы уже обращались. Но наиболее ярко различные типы власти и подчинения в любовных отношениях и их обусловленность социокультурным контекстом представлены в текстах художественной культуры. Мы выбрали два примера, которые хорошо известны и пользуются до сих пор громадной популярностью у «культурных производителей» – Дон Жуана и Кармен. Эти образы интересны нам также и потому, что коренятся в мифологических архетипах, воплощаются в ли-

тературном дискурсе, а затем становятся объектами многочисленных репрезентаций в сценических и кинематографических жанрах. На судьбе этих персонажей в различных репрезентациях в различных контекстах мы попытаемся прояснить, что изменилось в любви как отношении господства/подчинения, какие из форм этой оппозиции превалируют в ту или иную эпоху, как контекст определяет смысл отношения.

Если история Дон Жуана представляет собой типичный «бродячий» сюжет, то Кармен более тесно связана с литературным первоисточником, хотя по количеству интерпретаций не уступает ни одному из великих архетипичных образов женского господства. Дон Жуан изначально амбивалентен, Кармен – более четкий пример невозможности существования женщины как доминирующей в любовных отношениях в эпохи, когда традиционный бинаризм все еще решался в пользу мужчины, а также смены этой установки в период сексуальной революции, побед феминизма и постструктуралистского поворота в академическом дискурсе. С точки зрения проблемы властных отношений в любви эти два персонажа являются в гендерном смысле полными противоположностями – если Дон Жуан воплощает вечную власть мужчины над женщинами, то Кармен, напротив, показывает «перевернутую», реверсированную оппозицию, становясь фигурой Господства. Однако все не так просто. Попробуем разобраться в причинах власти Дон Жуана над тысячами соблазненных им женщин и в роковой судьбе Кармен, жизнью заплатившей за право быть хозяйкой своей судьбы.

Дон Жуан представлен в громадном количестве литературных и драматических текстов, причем каждая эпоха видит в нем нечто, близкое ей по духу. Севильский соблазнитель представляет собой зыбкую фигуру, перемещающуюся из одной эпохи в другую, из одного вида искусства в другой, привлекающую к себе различных творческих личностей. Причина постоянного возвращения к Дон Жуану и бесконечное количество интерпретаций вызвано его харизматической властью над женщинами, которая носит универсальный характер и может быть легко перемещена в разные социокультурные контексты. Но именно эта универсальность образа таит в себе опасность его механического перемещения в другие контексты и, соответственно, в другие дискурсивные формации. Согласно Э. Гидденсу, «обольщение вышло из употребления» после заката пре-модернистских культур,

утратив «многое из своего значения в обществе, в котором женщины стали гораздо более сексуально доступными для мужчин, чем когда бы то ни было прежде, хотя – и это носит решающий характер – и более равными им» (2:103). В этом контексте харизматическое господство, казалось бы, должно проявляться исключительно в сфере интимных отношений, не распространяясь на другие сферы жизни. Тем не менее даже если сюжет Дон Жуана переносится на жизнь современного офиса, женщина, давно вкусившая все завоевания феминизма, хотя бы на какое-то время оказывается в роли добровольной жертвы. Выход из положения подчинения означает выход из состояния очарования, в которое она введена харизматической личностью.

За пределами Галантного века из разнообразных трактовок Дон Жуана, с точки зрения осмысления этого образа, можно привести два крайних суждения, которые, будучи противоположны, тем не менее, становятся основой для равно убедительных последующих репрезентаций. Сравнивая различные дискурсивные формации, мы видим, что каждая из них своими средствами пытается найти те смыслы, которые делают образ севильского соблазнителя столь привлекательным для репрезентации. В эпоху романтизма, столь близкую по времени к эпохе Моцарта, Дон Жуан становится одним из любимых персонажей романтического дискурса. Очень показательна в этом смысле трактовка этого образа великим романтиком Э.Т.А. Гофманом. Он выделяет в опере Моцарта романтический элемент, который еще только брезжит в этом великом творении, не выходящим за рамки предписанной временем формы, но содержащим новые настроения. Соответственно, главным в герое становится не его безудержный гедонизм, а «другость», невозможность вписаться в рамки социальных условностей, выход из которых он видит в бесконечных победах над женщинами. Он использует тот дар, который ему дала природа, и дар этот несет в себе гибель не только несчастных брошенных возлюбленных, но и его самого. «Так и кажется, будто он владеет магическими чарами гремучей змеи; так и кажется, что женщины, на которых он бросил взгляд, навсегда обречены ему и, покорствуя недоброй силе, стремятся навстречу собственной гибели» (3:84). Власть над женщинами становится чисто харизматической и отвечает новой потребности эпохи не столько в чувственном возбуждении, сколько в мрачной привлекательности непонятого героя.

Одна из самых известных философских интерпретаций образа Дон Жуана содержится в работе А. Камю «Абсурдный человек». Французский философ-экзистенциалист говорит о радости жизни как об основной стороне характера Дон Жуана. «Смех и победоносная дерзость, прыжки из окон и любовь к театру – все это ясно и радостно. Всякое здоровое существо стремится к приумножению. Таков и дон Жуан. Кроме того, печальными бывают по двум причинам: либо по незнанию, либо из-за несбыточности надежд. Дон Жуан все знает и ни на что не надеется» (5:62). Дон Жуан для Камю – образец абсурдного человека, который «ничего не предпринимает ради вечности и не отрицает этого» (5:60). Со свойственным абсурдному человеку неверием в глубокий смысл вещей Дон Жуан идет по жизни, не оглядываясь на прошлое и живя тем чувством, которое поглощает его в данный момент.

Возвращаясь к типологии власти, о которой мы писали выше, можно сделать вывод, что наиболее универсальной из них является, во всяком случае в применении к любовным отношениям, власть харизматическая, которая проявляется и побеждает вне зависимости от контекстов эпохи и ее культурных доминант. Основа этой власти всегда загадочна, харизматичность не зависит ни от внешности, ни от возраста. Возможно, именно природа харизматической власти является основой привлекательности образа Дон Жуана и причиной бесконечного множества его интерпретаций.

Другой образ, который также относится к «вечным», – Кармен. Хотя литературный текст Мериме относится к сравнительно недавнему времени, сам образ героини связан с архетипами женской власти, уходящими корнями в архаичные пласты культуры, когда женщине приписывалась магическая власть, ведущая часто к роковым последствиям. За многие века маскулинной доминации в культуре образ женщины, имеющей власть над мужчинами, ассоциировался со злой колдовской силой, которая должна была быть наказана. В условиях гендерного неравенства женщине оставались лишь некоторые области, где она могла утверждать себя, не подвергаясь в то же время преследованиям и моральному осуждению. Кармен воплощает в себе силу архаической Богини, но в то же время она отстаивает свое право на свободу, которую она понимает как право любить и разрывать любовные отношения по своему желанию.

В XIX в., времени создания произведения П. Мериме, голос женщины стал более ощутим в социальном дискурсе, женщины становятся не только объектом интерпретации, но и субъектом творчества. Кармен у Мериме – цыганка, символизирующая свободу от цивилизации, не признающая никаких законов, кроме законов свободы, и власть ее над мужчинами – проявление древних темных сил природы. Кармен, соблазнительница, сенсуалистка и свободная душа, является воплощением «другости», она «воплощает мужскую фантазию о женской свободной сексуальности, одновременно опасной и привлекательной, по сути дела, привлекательной, поскольку она опасно субверсивна и неконтролируема» (12:56–57). Неизбежность смерти героини объясняется тем, что для преимущественно буржуазной аудитории того времени ее существование как альтер эго маскулинного представителя этой аудитории было невозможно, поэтому она должна была быть принесена в жертву буржуазной благопристойности. Что же происходит со свобододобивой цыганкой в наши дни, когда феминизм мощно заявил о правомочности Голоса женщины в мире, освобожденной от мужской доминации? Невероятная популярность сюжета о Кармен говорит о том, что никакие социальные перемены и завоевания феминизма не снимают глубокого противоречия между мужчиной и женщиной в борьбе за доминантное положение в любовных отношениях. Кармен кажется противоположностью Дон Жуану с точки зрения ее превосходства над мужчинами и утверждения принципа женской свободы, но в реальности эти два образа являются проявлениями харизматической власти, выходящей за пределы социокультурных контекстов. То, что оппозиция «маскулинное/фемининное» в данном случае реверсирована, не снимает ее сути как борьбы за господство в отношениях. Сближает героев и прославление свободы, и полное равнодушие к прошлым победам. Утверждая право своей харизматической власти, они отвергают власть социального порядка, «которая не терпит замены своего «коллективного» закона произвольной властью индивида» (11:200). В этом причина главного сходства героев – она заключается в их трагической судьбе, которая несет наказание за трансgressию норм и желание жить по своим правилам, не считаясь с ограничениями, неизбежно налагаемыми временем, культурой и общественным порядком. Перед лицом легитимной власти харизматическое господство оказывается бессильным.

Приведенные нами примеры из области репрезентации одного из важнейших человеческих отношений – любви в его преломлении как отношения власти – показывают, что, несмотря на смену историко-культурных контекстов и дискурсивных формаций, суть этого отношения остается неизменной. Несомненно, мы воспринимаем такие сюжеты и образы с нашей хроноцентрической точки зрения. Но это не означает полного разрыва с контекстом и утратой чувства истории, столь характерных для посткультуры. Глубокое постижение человеческих отношений рождается при осмыслении социального дискурса как контекста, в котором происходит развитие сюжета и решаются судьбы героев, соотнесенных с различными областями человеческого опыта, но это осмысление неизбежно происходит с позиции «здесь-и-сейчас», которая не даст сюжетам и образам прошлого превратиться в музейный экспонат, а сделает их частью культурного пространства наших дней.

***

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2009.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.-СПб, 2004.
3. Гофман Э.Т.А. Дон Жуан.
4. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Харьков-СПб., 2001. Ч. 2.
5. Камю А. Бунтующий человек. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
6. Ницше Ф. Эссе Homo // Сочинения: в 2 т. Т.2. М., 1990.
7. Ницше Ф. Веселая наука // Сочинения. Т.1. М., 1990.
8. Шапинская Е.Н. Дискурс любви. М., 1997.
9. Gilbert P. Human Relationships. Oxford UK-Cambridge USA, 1991.
10. Huyssen A. Mapping the Postmodern. In: Culture and Society. Contemporary debates. Cambridge, 1995.
11. Luhman N. Love as Passion. Cambridge-Oxford, 1986.
12. McClary S. Feminine Endings: Music, Gender and Sexuality. Minneapolis, 1992.
13. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. NY, 1968.